Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (МАС).
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
5. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004 (БТС).
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.

* * *

1. Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 3 t. M.: AST, Astrel', Harvest, 2006.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 2003.
3. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. M., 1981–1984 (MAS).
4. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. prof. D.N. Ushakova. M., 1935–1940.
5. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S.A. Kuznecova. M.: Riderz Dajdzhest, 2004 (BTS).
6. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. A.I. Molotkova. M., 1967.

Active processes in the vocabulary of the Russian language of the first quarter of the XXI century

The article deals with the active processes of replenishment of the lexical structure of the Russian language of the first quarter of the XXI century: emergence of hyperonyms, hyponyms, synonyms, new words in connection with new phenomena; emergence of new lexemes instead of word combinations; emergence of new lexemes as a result of their transition from their special sphere to the common one; return to the active stock of words which left it earlier; emergence of connected combinations.

Key words: *vocabulary of the Russian language, active processes, semantics, meaning, neologism, lexical semantic variant.*

(Статья поступила в редакцию 25.05.2018)

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА В СОВЕТСКОЙ АРМИИ: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Описывается военная присяга в Советской армии в когнитивно-коммуникативном аспекте. Выделяются параметральные признаки военной присяги, которые обретают коммуникативно-семантический облик в соответствии с системой ценностей, складывающейся в определенный историко-культурный период.

Ключевые слова: *военная присяга, адресат, хронотоп, виндиктивная составляющая, комиссивная составляющая.*

В многоаспектном исследовании речевого акта «клятва» особый интерес представляет военная присяга, принятие которой членом иерархически организованного сообщества является одним из важнейших ритуалов, связанных с социализацией личности. Речевой акт «клятва» в силу своей психосоциальной значимости не раз попадал в поле внимания ученых-гуманитариев [1; 3], в том числе и лингвистов [2; 9], но с когнитивно-коммуникативных позиций начал изучаться лишь в последнее время [12–14], что открыло перспективу описания военной присяги с точки зрения историко-культурной динамики формы ее объективации.

Военная присяга в царской армии описывалась нами в отдельной работе [11], здесь же рассматривается военная присяга в армии советского историко-культурного периода. Отметим основные параметральные признаки военной присяги, вокруг которых выстраивается ее исследование.

Глубинным психологическим мотивом речевого акта «клятва» является потребность говорящего в доверии со стороны адресата(ов), эта потребность и трансформируется в целевую установку, связанную с достижением искомого доверия [13]. У военной присяги обнаруживается три вида адресатов: 1) адресат – объект воздействия – лицо или группа лиц, представляющие высший эшелон государственной власти и являющиеся разработчиками или цензорами ее формы; 2) реальные адресаты-наблюдатели – военнослужащие и

© Чесноков И.И., 2018

другие лица, участвующие в ритуале принятия присяги, а также приглашенные; 3) виртуальные адресаты-наблюдатели – Бог, а также лица, которые не присутствуют на церемонии, но упоминаются в тексте присяги и, соответственно, называются присягающим. Адресаты – весьма значимый параметр военной присяги, характеристика которого необходима при описании ее формы.

Принятие военной присяги, как уже отмечалось, является одним из важнейших социотворческих ритуалов, время, место и характер проведения которого психологически значимы и (как правило) определяются законами государства. В этом контексте характеристика хронотопа военной присяги также необходима при описании ее формы.

Речевой акт «клятва» представляет собой утверждение говорящим единства мысли, слова (знака) и дела, базирующееся на его готовности подвергнуть себя каре, т. е. проклятию, за нарушение искренности высказываемого [14]. Эта готовность, или виндиктивная составляющая данного речевого акта, определяет его когнитивно-коммуникативную сущность и закономерно оказывается в поле исследовательского внимания при описании формы объективации военной присяги.

Военная присяга является клятвой-комиссивом, т. е. клятвой, связанной с принятием говорящим на себя определенных обязательств. Характеристика этих обязательств, или комиссивной составляющей военной присяги, также необходима при описании формы объективации последней.

В советский историко-культурный период первый текст военной присяги Рабоче-крестьянской Красной армии утверждается декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 22 апреля 1918 г. [7].

Составленный в духе теории классовой борьбы, данный текст военной присяги предполагает в качестве адресата-объекта воздействия рабочее и крестьянское правительство: *Я обязуюсь… соблюдать революционную дисциплину и… выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства* [Там же]. А также: *Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики…* [Там же].

Реальные адресаты-наблюдатели здесь – командиры подразделений и бойцы Красной армии, принимающие участие в ритуале. Виртуальные адресаты-наблюдатели – трудящиеся классы России и всего мира: *Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь…* [7].

Единого документа, определяющего хронотоп военной присяги, в годы Гражданской войны не существует. Он появляется как декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета «О приведении к присяге всей Красной Армии и Красного Флота» 25 марта 1922 г. и предписывает проводить ритуал принятия красной присяги 1 мая, в «день великого международного пролетарского праздника», возлагая приведение к торжественному обещанию – красной присяге воинов и служащих в Красной армии на членов Всероссийского центрального исполнительного комитета, председателей и членов исполнительных комитетов, по месту расположения частей и учреждений Красной армии [5]. Присяга принимается «коллективно в строю, во время парадов» [10].

В виндиктивной составляющей текста военной присяги отсутствует глагол «клянусь», вместо него используется глагол «обязуюсь», однако есть вербальное построение, выражающее готовность говорящего подвергнуть себя этическим и юридическим санкциям за отступление от торжественного обещания: *...я обязуюсь… добросовестно изучать военное дело… Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона* [7]. Можно сказать, что при формальном несоответствии речевому акту «клятва» виндиктивная составляющая вполне соответствует ему в смысловом отношении.

В комиссивной составляющей текста военной присяги можно выделить ключевое обязательство – носить это звание (звание воина рабочей и крестьянской армии) с честью, что, в свою очередь, предполагает ряд других обязательств: 1) добросовестно изучать военное дело, 2) охранять военное и народное имущество, 3) соблюдать революционную дисциплину, 4) беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью рабочего и крестьянского правительства, 5) воздерживаться и удерживать товарищей от поступков, порочащих достоинство гражданина Советской Республики, 6) все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся, 7) по первому зову рабочего и крестьянского правительства выступить на защиту Советской Республики и в борьбе

за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни [7]. Очевидно, что комиссивная составляющая текста военной присяги ориентирует воина не только на защиту Отечества, но и на служение идеи освобождения всех трудящихся и, соответственно, борьбу за дело социализма и братство народов.

Следующий текст военной присяги утверждается Указом Президиума ВС СССР от 3 января 1939 г. [6]. Этот текст (как и его предшественник) предполагает в качестве адресата-объекта воздействия рабочее и крестьянское правительство: *Я клянусь… до последнего дыхания быть преданным… Рабоче-Крестьянскому Правительству* [Там же]. А также: *Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины…* [Там же]. Реальные адресаты-наблюдатели – командиры подразделений и бойцы Красной армии, принимающие участие в ритуале. Виртуальные адресаты-наблюдатели – трудящиеся классы России и всего мира – в этом тексте уже не упоминаются.

Хронотоп военной присяги определяется Указом Президиума ВС СССР от 3 января 1939 г. [4]. Данный документ существенно меняет характер проведения ритуала, делегируя полномочия определять время принятия присяги командирам частей и предписывая принимать присягу в индивидуальном порядке и скреплять ее собственноручной подписью [Там же]. Этот документ также предписывает проводить церемонию при знамени и с оркестром в караульной форме, завершать церемонию прохождением подразделения торжественным маршем, день принятия присяги считать нерабочим днем для данной части и проводить его как праздничный день [Там же].

В виндиктивной составляющей текста военной присяги вместо глагола «обязуюсь» используется глагол «клянусь», который сопровождается вербальным построением, выражающим готовность говорящего подвергнуть себя юридическим и этическим санкциям за клятвопреступление: *Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся* [6].

В комиссивной составляющей текста военной присяги можно выделить ключевое обязательство – быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, которое конкретизируется рядом вербальных построений, указывающих на определенные виды деятельности: 1) строго хранить военную и государственную тайну, 2) беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников, 3) добросовестно изучать военное дело, 4) беречь военное и народное имущество, 5) до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству, 6) быть всегда готовым по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту Родины, 7) защищать ее мужественно, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами [6].

Как видим, в комиссивной составляющей текста военной присяги уже нет тезисов о 1) соблюдении революционной дисциплины, 2) направлении всех действий и мыслей к великой цели освобождения всех трудящихся, 3) борьбе за дело социализма и братство народов, но появляется новое (по сравнению с предыдущим текстом военной присяги) обязательство – строго хранить военную и государственную тайну [Там же]. Можно сказать, что в целом обязательства уже не ориентируют военнослужащих на решение проблем классовой борьбы, а фокусируют их внимание на защите Отечества.

Следующий текст военной присяги утверждается Указом Президиума ВС СССР от 10 июня 1947 г. [8]. Этот текст предполагает в качестве адресата-объекта воздействия не рабоче-крестьянское, а советское правительство (а Рабоче-крестьянская Красная армия именуется теперь Вооруженными Силами). Следующие два параметра (реальные адресаты-наблюдатели и виртуальные адресаты-наблюдатели) остаются без изменений. Хронотоп военной присяги определяется вышеназванным документом, сохраняющим в целом порядок проведения ритуала и добавляющим в его заключительную часть исполнение государственного гимна СССР [Там же].

В виндиктивной составляющей текста военной присяги вместо ранее используемой придаточной части *Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу…* [6] предлагается придаточная часть *Если же я нарушу эту мою торжественную присягу…* [8]. Исключение из текста слов *по злому умыслу* снимает вопрос о характере и акцентирует внимание на факте клятвопреступления. Комиссивная составляющая текста военной присяги остается без изменений, сохраняя фокус

внимания военнослужащих на защите Отечества [8].

Итак, изученный материал позволяет констатировать следующее: в советский историко-культурный период военная присяга 1) наполняется поначалу духом теории классовой борьбы, который со всей очевидностью проявляется в тексте 1918 г., сохраняется в редуцированном виде в тексте 1939 г. и сходит на нет в тексте 1947 г.; 2) обнаруживает в себе тенденцию к повышению уровня личной ответственности военнослужащих за выполнение принимаемых обязательств; 3) во всех вариантах формы своей объективации носит этико-юридический характер.

Список литературы

1. Бенда В.Н. «Присяга на верность…» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 12(150). Вып. 31. С. 56–62.

2. Карабыков А.В. Прагматика клятвы в контексте развития культуры // Филологический ежегодник / под ред. Н.Н. Мисюрова. Омск: Омск. гос. ун-т. 2007–2008. Вып. 7–8. С. 98–106.

3. Кормина Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2004. № 1(33). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html (дата обращения: 03.06.2018).

4. О порядке принятия военной присяги: Указ Президиума ВС СССР от 3 янв. 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-ob-oborone/51/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-03-01-1939.html (дата обращения: 04.06.2018).

5. О приведении к присяге всей Красной Армии и Красного Флота: декрет ВЦИК от 25 марта 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1922. 24 апр. № 26 (отдел первый). Ст. 304.

6. О тексте военной присяги Рабоче-Крестьянской Красной Армии: Указ Президиума ВС СССР от 3 янв. 1939 г. [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17125#09559430174628851 (дата обращения: 02.06.2018).

7. О формуле торжественного обещания при вступлении в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию: декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_277.htm (дата обращения: 02.06.2018).

8. Об утверждении текста военной присяги и Положения о порядке принятия военной присяги: Указ Президиума ВС СССР от 10 июня 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 г. – 1961 г. М.: Изд-во «Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР», 1961.

9. Сиразиева З.Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2012.

10. Супрунов А. История военной присяги [Электронный ресурс]. URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=916 (дата обращения: 28.05.2018).

11. Чесноков И.И. Военная присяга в Российской Царской армии: когнитивно-коммуникативный аспект // Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. 28–30 мая 2018 г. / под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2018. Т. 1. С. 167–170.

12. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва» в аксиологическом аспекте // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 20–23.

13. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2013. № 9(84). С. 4–7.

14. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: эксплицитные перформативные высказывания // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 3(107). С. 110–113.

* * *

1. Benda V.N. «Prisjaga na vernost'…» kak odno iz sredstv formirovanija tradicij russkoj armii i patriotizma v Rossii XVIII veka // Vestn. Cheljab. gos. un-ta. 2009. № 12(150). Vyp. 31. S. 56–62.

2. Karabykov A.V. Pragmatika kljatvy v kontekste razvitija kul'tury // Filologicheskij ezhegodnik / pod red. N.N. Misjurova. Omsk: Omsk. gos. un-t. 2007–2008. Vyp. 7–8. S. 98–106.

3. Kormina Zh. Voinskaja prisjaga: k istorii odnogo performativa [Jelektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2004. № 1(33). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html (data obrashhenija: 03.06.2018).

4. O porjadke prinjatija voennoj prisjagi: Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 3 janv. 1939 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-ob-oborone/51/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-03-01-1939.html (data obrashhenija: 04.06.2018).

5. O privedenii k prisjage vsej Krasnoj Armii i Krasnogo Flota: dekret VCIK ot 25 marta 1922 g. // Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Rabochego i Krest'janskogo Pravitel'stva, izdavaemoe Narodnym Komissariatom Justicii. 1922. 24 apr. № 26 (otdel pervyj). St. 304.

6. O tekste voennoj prisjagi Raboche-Krest'janskoj Krasnoj Armii: Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 3 janv. 1939 g. [Jelektronnyj resurs] // Konsul'tant-Pljus: spravochnaja pravovaja sistema. URL: http://www.

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17125#09559430174628851 (data obrashhenija: 02.06.2018).

7. O formule torzhestvennogo obeshhanija pri vstuplenii v Raboche-Krest'janskuju Krasnuju Armiju: dekret VCIK ot 22 aprelja 1918 g. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_277.htm (data obrashhenija: 02.06.2018).

8. Ob utverzhdenii teksta voennoj prisjagi i Polozhenija o porjadke prinjatija voennoj prisjagi: Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 10 ijunja 1947 g. // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR 1938 g. – 1961 g. M.: Izd-vo «Izvestija Sovetov Deputatov Trudjashhihsja SSSR», 1961.

9. Sirazieva Z.N. Kljatva kak rechevoj zhanr v russkojazychnoj i anglojazychnoj lingvokul'turah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Kazan', 2012.

10. Suprunov A. Istorija voennoj prisjagi [Jelektronnyj resurs]. URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=916 (data obrashhenija: 28.05.2018).

11. Chesnokov I.I. Voennaja prisjaga v Rossijskoj Carskoj armii: kognitivno-kommunikativnyj aspekt // Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur: materialy Mezhdunar. nauch. konf. 28–30 maja 2018 g. / pod red. O.A. Turbinoj. Cheljabinsk: Izd. centr JuUrGU, 2018. T. 1. S. 167–170.

12. Chesnokov I.I. Rechevoj akt «kljatva» v aksiologicheskom aspekte // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2017. № 5. S. 20–23.

13. Chesnokov I.I. Rechevoj akt «kljatva»: istoki i pervichnye formy ob#ektivacii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2013. № 9(84). S. 4–7.

14. Chesnokov I.I. Rechevoj akt «kljatva»: jeksplicitnye performativnye vyskazyvanija // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2016. № 3(107). S. 110–113.

Military oath in the Soviet army: cognitive and communicative aspect

The article deals with the military oath in the Soviet army in the cognitive and communicative aspect. It highlights the parametric signs of the military oath, which get the communicative and semantic features in accordance with the system of values that develops in a certain historical and cultural period.

Key words: *military oath, addressee, chronotope, vindictive component, comissive component.*

(Статья поступила в редакцию 07.06.2018)

Л.П. КОЛОКОЛОВА
(Стерлитамак)

СЛОВО КАК НОСИТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕННОГО КВАНТА ИНФОРМАЦИИ (функционально-когнитивный аспект)

Рассматриваются номинативные средства языка с точки зрения функционально-когнитивного подхода. В качестве основного объекта выступает слово, входящее в функционально-когнитивную сферу, представляющую собой принципиально новый тип организации лексики и передающую различные типы знаний и отношений в процессе речевой коммуникации.

Ключевые слова: *слово, номинативность, функции языка, функционально-когнитивная сфера.*

Наиболее эффективные инновации на рубеже веков связаны с функционально-когнитивным направлением, которое выдвинуло в качестве приоритета при рассмотрении функций языка изучение речевой деятельности. Стремление к систематизации лексического пространства свидетельствует о том, что речевая деятельность получит широко выраженную функциональную ориентацию, что позволит создать таксономию и новую типологию языков – коммуникативную.

В настоящее время происходит постепенная смена парадигмы, обусловленная изменением основных представлений о языке и использованием нового инструментария его описания. Эти изменения касаются функционально-когнитивного направления в лингвистике. Важно отметить, что язык связан со знаниями о мире, которые проверены не только общественной практикой, но и результатами познания действительности, а также адекватного ее отражения в сознании человека. По мнению У. Чейфа, «язык до сих пор лучшее окно в знание, ведь мы все время используем язык, чтобы выразить его» [6, с. 27]. В лингвистической науке, на наш взгляд, актуальными являются трудности представления познаний в языке, которые описываются с опорой на когнитивность. Язык способен накапливать, хранить, обрабатывать знания и передавать определенные кванты информации. В последние годы все больше проявляется интерес к описа-

© Колоколова Л.П., 2018